

Глава 4

Яркий свет, лившийся из окон дома семьи Чэнь, заливал и крыльцо. Едва Лу Имань переступил порог, как ему навстречу вскочила девушка в сине-белой школьной форме.

— Брат! — её звонкий, мелодичный голос на миг вернул его в прошлое, к воспоминаниям о другой семнадцатилетней девочке, которую он когда-то встретил.

— М-м, — кивнул он и, быстро собравшись с мыслями, отстранённо прошёл в дом.

На лице Чэнь Цзыцзы мелькнуло удивление, которое тут же сменилось искренней радостью. Она суетливо отодвинула для него стул и, словно маленькая неутомимая птичка, защебетала, приглашая его сесть.

В свои семнадцать девушка, казалось, немного отставала в росте — или же Лу Имань был слишком высок, — но она едва доставала ему до груди. Она разительно отличалась от своих сверстниц из богатых семей: ни макияжа, ни роскошных нарядов. Аккуратный хвост, простая школьная форма, которую она ещё не успела сменить, — всё в ней говорило о юной, деятельной натуре.

— Брат, я в этом месяце сдала экзамены лучше, чем в прошлом! Учитель сказал, если так пойдёт и дальше, я смогу поступить в университет Цзинчжун.

На её щеке появилась ямочка, а круглые миндалевидные глаза превратились в полумесяцы.

— Брат, это ведь твоя альма-матер, да? Говорят, там есть персиковая роща. Весной, когда всё цветёт, там так красиво! И многие там влюбляются!

Высокий мужчина, выносивший блюдо с едой, усмехнулся.

— Тебе сколько лет, а ты уже о свиданиях думаешь? Говорю тебе, даже когда поступишь в университет, сначала — учёба, — предостерег он.

Семья Чэнь хоть и не входила в высший круг, но была весьма состоятельной, однако воспитание в доме царило на удивление простое и строгое. Об этом свидетельствовали и скромный двухэтажный особняк, и школьная форма на Чэнь Цзыцзы.

— С какой стати? Когда я поступлю, мне уже будет восемнадцать!

— С такой, что я твой отец, — господин Чэнь снял фартук, в полной мере демонстрируя свой образ строгого родителя.

— Но когда брат учился в университете, ты не был с ним так строг! — возразила Чэнь Цзыцзы, но, сказав это, тут же прикусила язык и с опаской взглянула на него.

Он сидел прямо, его губы тронула лёгкая улыбка.

— Наверное, потому что я мальчик, мне сложнее причинить вред.

Его слова застали врасплох даже господина Чэня. Тот удивлённо посмотрел на него, но тут же расплылся в улыбке, и в уголках его глаз пролегли тонкие морщинки.

— Твой брат прав. Вот бы ты доставляла мне столько же радости, сколько и он.

Чэнь Цзыцзы на мгновение замерла, а затем её лицо озарилось гордостью.

— А разве я не радую?

— Ха, радуешь. Если бы ты радовала, твой учитель не звонил бы мне позавчера, чтобы сообщить, что ты снова сбежала с вечерних занятий, перелезая через стену!

Чэнь Цзыцзы кашлянула и тихо пробормотала:

— Я же не делала ничего плохого.

На самом деле, за её успеваемость можно было не беспокоиться, но её неугомонный характер не давал родителям покоя.

Она стрельнула глазками по сторонам и, кряхтя, придвинула свой тяжёлый стул поближе к Лу Иманю.

— Вот и критикуй меня теперь, а я сегодня буду сидеть с братом! — фыркнула она.

Сказав это, она устремила на него взгляд своих огромных, трепещущих глаз, но когда он посмотрел в ответ, смущённо отвела взгляд и заёрзала на стуле.

Господин Чэнь, однако, не оценил её манёвра.

— Сидишь с братом, а чего краснеешь? Уж не потому ли, что я рассказал о твоём побеге, и тебе теперь стыдно перед ним? — усмехнулся он.

Лицо Чэнь Цзыцзы вспыхнуло, и она замахала руками.

— Ты злой, я с тобой не разговариваю!

Её реакция рассмешила и экономку, и дворецкого, и даже самого господина Чэня.

Лу Имань с мягкой улыбкой придвинул к ней её столовые приборы, не возражая против её близости.

Чэнь Цзыцзы, которая уже готова была взорваться от смущения, увидев его жест, тут же выпрямилась и приняла вид самой послушной девочки на свете. Этот контраст вызвал у господина Чэня новый приступ смеха.

— Что за веселье, почему вы так смеётесь?

Раздался нежный, тихий голос. Господин Чэнь с улыбкой ответил:

— Смеюсь над тем, что даже такая бесстыдница, как Чэнь Цзыцзы, пытается сохранить лицо перед братом.

Глаза госпожи Сун загорелись. Увидев детей, сидящих рядом, она почувствовала, как к горлу подступает ком. Прикрыв рот рукой, она дрожащим голосом прошептала:

— Так и должно быть... так и должно быть... Цзыцзы уже выросла.

Она боялась издать хоть один лишний звук, который мог бы выдать её волнение. С трудом подавив нахлынувшие чувства, она подошла к столу.

Только тогда Лу Имань поднял на неё глаза.

Он не мог сказать, что чувствовал — разочарование или облегчение. Она совсем не походила на мать из его воспоминаний.

Всё верно. Он был Лу Иманем, но не тем Лу Иманем.

Выражение его лица не изменилось, но теперь, когда он сбросил маску молчаливой пассивности, его красота и обаяние проявились в полной мере. Пусть он и не был родным сыном господина Чэня, его благородная внешность и спокойный характер невольно располагали к себе.

— Я слышал, твой бренд становится всё успешнее, — мягко обратился к нему господин Чэнь.

Из-за чувства вины госпожи Сун и того, что он всё же был неродным, ему предоставляли большую свободу.

— Всё неплохо. Я сегодня и для Цзыцзы принёс подарок.

Услышав о подарке, Чэнь Цзыцзы удивлённо распахнула глаза.

— Правда?!

Он кивнул и протянул ей коробку, перевязанную розовой лентой.

Этот подарок «Лу Имань» приготовил ещё месяц назад, и он не стал пренебрегать его чувствами. Какие бы сложные эмоции ни испытывал «Лу Имань» в этом доме, он всё равно заботился о них.

Чэнь Цзыцзы нетерпеливо открыла коробку. Внутри лежало белоснежное платье, усыпанное звёздной пылью, а его пышный, мерцающий подол, казалось, заключал в себе целый Млечный Путь. Оно было ещё прекраснее, чем можно было представить, и было очевидно, сколько труда в него вложено.

Даже такая бойкая и раскованная девушка, как Чэнь Цзыцзы, замерла. Она осторожно взяла платье в руки, её глаза покраснели. Спустя долгое время она тихо прошептала:

— Спасибо, брат. Мне очень нравится.

Он снисходительно улыбнулся.

— Желаю тебе в свои лучшие годы цвести, подобно самому прекрасному цветку.

Эти слова были написаны на открытке, вложенной в коробку.

За многие годы в доме семьи Чэнь не было такого тёплого вечера.

Платье принцессы окончательно покорило сердце Чэнь Цзыцзы. Она сидела рядом с Лу Иманем, постоянно подкладывая ему еду и отрезав самый большой кусок торта. Господин Чэнь подшучивал над ней, но в его глазах плясали смешинки. Госпожа Сун весь вечер сидела с покрасневшими глазами, боясь проронить хоть слово.

Лу Имань сохранял спокойствие. Он ел неторопливо, и в его прекрасных, миндалевидных глазах не отражалось никаких эмоций. Он вёл себя как вежливый джентльмен, оберегая достоинство каждого присутствующего.

Но не более того.

— И... Имань, может, останешься сегодня? — с тревогой спросила госпожа Сун.

В этом доме у него была своя комната, но он прожил в ней всего год, а после совершеннолетия съехал.

Он молча смотрел на неё. Её уже немолодое лицо было полно мольбы, а во взгляде трепетала тайная надежда.

Господин Чэнь и Чэнь Цзыцзы тоже замолчали, глядя на него с тем же ожиданием.

Он долго молчал. Глядя в его тёплые глаза, все были уверены, что он не откажет. Ведь сегодняшний вечер был таким особенным.

Он медленно открыл рот, и улыбка не сходила с его губ.

— Нет.

Зрачки госпожи Сун расширились. Она открыла рот, словно не веря своим ушам, но он больше ничего не сказал.

Вежливо кивнув, он отодвинул стул и встал.

Ужин съеден, торт разрезан, подарок вручён. Ему пора домой.

— Спасибо за угощение. Уже поздно, а у меня ещё есть работа, так что я не буду задерживаться.

Тягучая тишина наконец нарушилась.

Чэнь Цзыцзы открыла рот, но, на удивление, не нашла слов. Губы госпожи Сун дрожали, не в силах произнести ни звука.

Наконец, господин Чэнь тяжело вздохнул и сдержанно произнёс:

— Заходи почаще, когда будет время.

Он с улыбкой кивнул, не отказываясь.

— Я... попрошу Сяо Вана отвезти тебя, — с трудом выговорила бледная госпожа Сун.

— Хорошо.

Он согласился. Госпожа Сун попыталась улыбнуться, но лицо её так и осталось бледным.

Но стоило ему сделать шаг к выходу, как на телефон поступил звонок с незнакомого номера.

Он не имел привычки отвечать на незнакомые номера и сбросил вызов. Но не прошло и секунды, как телефон зазвонил снова. Он сбросил ещё раз, но звонок повторился. Экран

настойчиво мигал, высвечивая тот же номер.

Он вскинул бровь и провёл пальцем по экрану.

— Лу Имань!

От яростного крика, прорвавшегося сквозь динамик, заложило уши.

— Добрый вечер, господин Юй, — с улыбкой поздоровался он.

Госпожа Сун, провожавшая его, удивлённо посмотрела на его приподнятую бровь.

— Цзымин, где он?!

Глаза Лу Иманя блеснули. Не прошло и дня, а он уже сбежал.

— Господин Юй, я не понимаю, о чём вы.

Он виновато взглянул на госпожу Сун и с сожалением улыбнулся. Та, опомнившись, поспешно покачала головой. Он вежливо кивнул в ответ и вышел.

Госпожа Сун, глядя ему вслед, больше не предлагала вызвать водителя.

Он шёл один под покровом ночи. Улица была полна машин, но прохожих было мало. Свет фонарей и мигающих фар сплетался в причудливый узор света и тени.

Из телефона доносилось тяжёлое дыхание разъярённого Юй Цана, а затем — произнесённые с ледяной яростью слова.

— Это ты!

Его хриплый голос, искажённый динамиком, звучал на удивление притягательно.

Он прищурился. Внезапно захотелось закурить.

— Господин Юй, не забывайте, вчера вечером вы сами бросили меня на пляже. При чём здесь я?

Его голос был мягким и приятным, он говорил спокойно и размеренно, но каждое слово лишь разжигало ярость Юй Цана.

Сегодня вечером, обнаружив исчезновение Юй Цзымина, он первым делом подумал о вечно улыбающемся Лу Имане. И чем больше он думал, тем сильнее его охватывало раздражение.

На том конце провода раздался глухой удар, а затем — зловещий смех.

— Ха! Ты у меня дождёшься!

Он тихо усмехнулся. Одной рукой он держал телефон, а другой достал из кармана зажигалку. Наклонив голову, он чиркнул колёсиком. Огонёк вспыхнул, подпаливая кончик сигареты. Порыв ветра взметнул дым и перекинул его маленькую косичку на плечо.

В свете фонаря его лицо казалось выточенным из нефрита.

<http://bllate.org/book/13686/1212554>